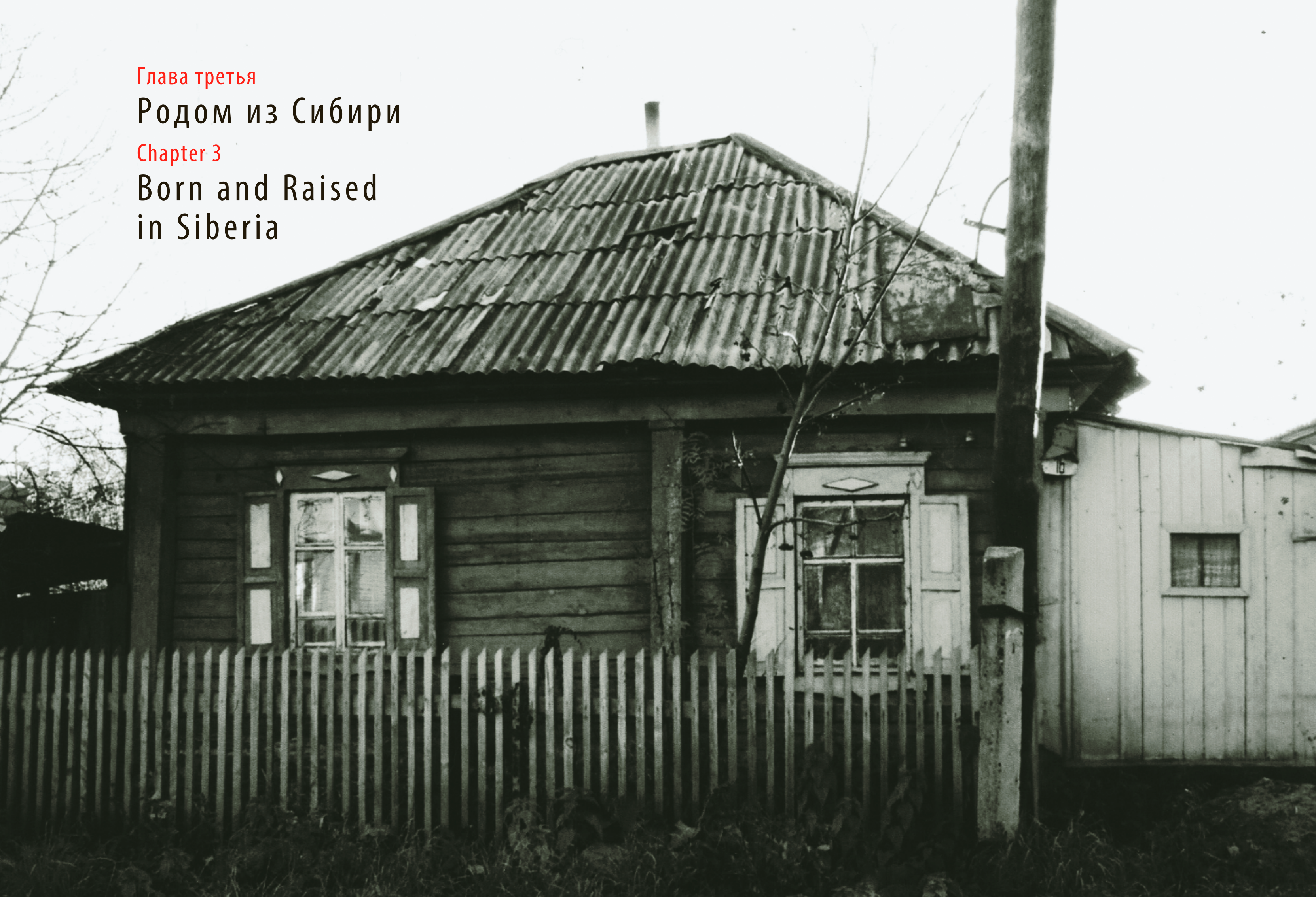

Глава третья

Родом из Сибири

Chapter 3

Born and Raised
in Siberia

На каникулах (г. Бердск)
On vacation (Berdsk)

Игорь Уразов

друг детства
(г. Бердск)

Родной для нас со Славой Бердск, где мы жили, дружили, ходили в школу, любили, – один из старейших городов Новосибирской области. Он зародился в 1716 году как острог (поселение, обнесенное высокой бревенчатой стеной с дозорными башнями), а к концу XIX века значительно вырос и уже считался большим сибирским селом с бревенчатыми домами. Но строительство Новосибирской ГЭС в начале 50-х годов XX столетия привело к тому, что основная территория города оказалась в зоне затопления, и Бердск решено было перенести на новое место – на 8 км выше по реке Берди. Там и началось возрождение города: строились новые дома, школы, библиотеки, поликлиники.

Семья Славы жила в Бердске, но Слава, появившийся на свет 17 ноября 1950 года, родился в одном из роддомов Новосибирска. И получается, что его рождение совпало с возрождением города Бердска, его малой родины. К сожалению, его родители рано разошлись, и его маме пришлось уехать в соседнее село, где она второй раз вышла замуж и родила Славе двух братьев – Валеру и Витю. Слава, которому в то время было всего пять лет, отличался самостоятельностью и не захотел уезжать с мамой, а остался в Бердске с бабушкой и дедушкой. Мама его постоянно навещала, да и я, будучи его другом, часто бывал у них.

Бабушка определила маленького Славу в музыкальную школу: хотела, чтобы он учился игре на баяне. Но в детстве он был небольшого роста, худенький, и его просто не было видно из-за этого инструмента. И тогда в руки Славе дали скрипку... Можете себе представить: мы, детвора, во дворе гоняем мяч, играем в «войнушку», а Слава поглядывает в окно на нас и продолжает штудировать свои гаммы. Несмотря на огромное нежелание учиться в музыкальной школе, он все же ее окончил – характер! Он проявлялся у него с детства: начатое доводить до конца, к любому делу относиться серьезно, будь то спорт (во дворе он «сколотил» футбольную и хоккейную команды) или участие в школьной самодеятельности (мы с ним пели в хоре, а Слава был солистом, даже в этом он был первым). Ну а с девочками – и с девочками все было заправски. В этом он меня тоже очень и очень выручал, ведь я по своему характеру молчун, стеснительный, а он спокойно знакомился, и мы втроем гуляли по нашей центральной улице Свердлова. Разговаривал Слава, а мне оставалось только кивать головой. И так было всегда. Благо-

Igor Urazov

Childhood friend from Berdsk

Berdsk—the place where we lived, made our first friends, went to school, and fell in love—is one of the oldest cities in the Novosibirsk Region. The first wooden palisades and watchtowers sprang up in 1716, and by the end of the 19th century, the settlement had expanded greatly and become a rather large Siberian town of traditional log houses. In the early 1950's, the newly-constructed Novosibirsk hydroelectric dam flooded most of the city, so the government decided to relocate it to an area eight kilometers up the Berd river. This was a renaissance for Berdsk; new houses, schools, libraries, and clinics were built.

Slava's family lived in town, but Slava himself was born at one of the maternity hospitals in Novosibirsk on November 17th, 1950. His birth coincided with the revival of his hometown. Unfortunately, his parents divorced shortly thereafter, and his mom had to move to a neighboring village where she got remarried and had Slava's two half-brothers, Valery and Viktor. Slava, who was only five years old at the time but was already remarkably independent, asserted himself and told his mother he'd be staying with his grandmother and grandfather in Berdsk. His mother would visit often and I spent my fair share of time at his house too, since we were close friends.

Slava's grandmother sent him to music school, since she wanted him to learn how to play the accordion, but he was a puny little kid—the instrument was almost bigger than he was. Then the teachers handed Slava a violin... the rest of us neighborhood rascals would play ball and fight our pretend wars, while poor Slava peered out the window and continued memorizing his scales. Despite having no desire whatsoever to study at music school, he did wind up graduating. That's what I call perseverance! Even as a kid he'd always finish what he started, taking all of his activities seriously, whether it be sports (he rounded everyone up and put together neighborhood soccer and hockey teams) or school performances (we were in the concert choir, and Slava would do solos; he was the best singer around). He was the best when it came to charming the girls, too. He always had my back. I was a shy kid who didn't say all that much, but he wouldn't think anything of going up to girls and introducing himself, and we'd walk down the main street together. Slava would do the talking, and I'd just nod along. That's how it always went. It was thanks to him that I met my wife Inna, and we've been happily married for over forty-five years now.

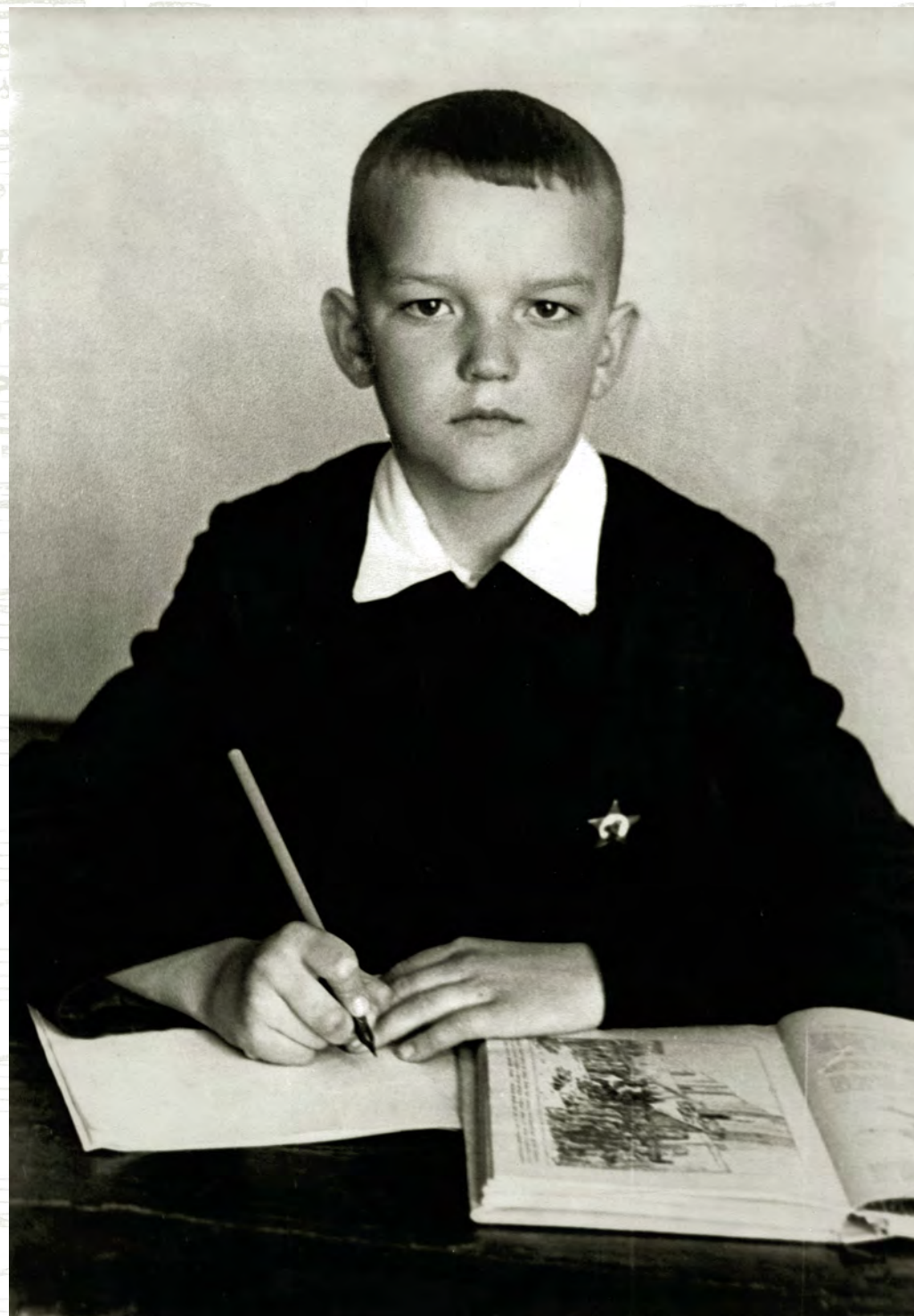
Родители (Александра Григорьевна и Иван Гаврилович)
Parents (Alexandra Grigorievna and Ivan Gavrilovich)

Любимые бабушка и дедушка
Beloved grandparents

Родительский дом
Grandparent's house

Первый класс (г. Бердск)
The first form (Berdsk)

Музыкальная школа (г. Бердск)
Musical School (Berdsk)

«Сын полка», 15 лет (г. Кушка)
«Son of the Regiment», 15 years old, Kushka

Два друга (г. Кушка)
Two friends. Kushka

даря ему я встретил свою Инну, с которой мы уже вместе более 45 лет.

Слава всегда был лидером, и я чувствовал, что в Бердске он надолго не задержится. Мы с ним несколько раз бегали смотреть «Старика Хоттабыча» – любимое кино нашего детства. В этой картине Слава впервые услышал «голос» гобоя. И все! Он твердо решил: «Я хочу играть на этом инструменте». Как? Где? Но в это время к нам в гости из Кушки приехал наш знакомый. Он-то и поведал, как приблизиться к своей мечте. И Слава тут же выстроил план действий... После получения повестки, что его берут сыном полка в воинскую часть города Кушки, он покинул родительский дом, хотя было ему всего 15 лет.

Служба на границе и игра на «тарелках» в местном оркестре не мешали Славе мечтать о гобое. И однажды, подговорив своего друга-сослуживца, он бежал из части. А когда начальство хватилось, что двух воспитанников нет, за ними устроили настоящую погоню. И только случай (землетрясение в Ташкенте) задержал преследователей...

Ну а затем – новосибирское музыкальное училище по классу гобоя и, наконец, главная цель – учеба в Московской консерватории.

Слава для меня был всегда примером, меня восхищало его отношение к маме, бабушке, деду. Его руки – руки музыканта – были предназначены для игры на гобое, но никак не для того, чтобы колоть дрова, работать в огороде, сажать картошку, сгребать снег... Но мы все это делали вместе (наши мамы дружили). Его мама Александра Григорьевна гордилась сыном. Она, бывало, вернется из Ленинграда – и разговорам о сыне, внуках и театре нет конца. Даже когда он из-за занятости не мог приехать в Бердск, то просил меня помочь своей маме по хозяйству.

Его отец несколько раз наведывался в Бердск, хотел забрать Славу в свою семью, но он абсолютно не знал своего сына, который не хотел прощать ему предательство по отношению к маме. Правда, перед смертью отец еще раз просил прощения, и Слава, как истинный христианин, простил его.

А вот теперь и Славы нет, и это очень тяжело сознавать. Ведь совсем недавно я был у него на юбилее, когда ему исполнилось 60 лет, ездил с ним отдыхать на море, бывал у него дома в Петербурге, ходил в Мариинский театр, вспоминал проделки молодости... Утрата велика. Нашей дружбе более 60 лет.

Slava was always a leader, and I could tell that he wouldn't stick around Berdsk for too long. We loved Old Khottabych as kids; we watched it over and over again at the movie theatre in town. Slava heard the "voice" of the oboe for the first time in that movie. He decided right then and there that he was going to play that instrument. But how? And where? A friend of ours who lived in Kushki was visiting us at the time. He told Slava how to get one step closer to his dream, so now he had a gameplan. ...After receiving notice that he would be accepted as a junior cadet or "son of the regiment" at the army base in Kushki, he left his home for good. He was only fifteen.

Serving on the border and playing the drums in the local orchestra couldn't keep Slava from dreaming about the oboe. One time he and his friend went AWOL—he was the instigator, obviously. As soon as the officers realized that two cadets were missing, they launched a full-blown search. It was only the need to assist earthquake victims in Tashkent that delayed the pursuit...

Next came learning to play the oboe at the Novosibirsk Music Academy and then he achieved his ultimate goal, enrolling in the Moscow Conservatory.

Slava always set a good example for me; I truly admired the way he treated his mom, grandma, and grandpa. He had the hands of a musician—they were designed to play the oboe, not for chopping wood, planting potatoes, and shoveling snow... But we did all those things together, since our moms were good friends. His mother Alexandra was very proud of her son. She'd come back from Leningrad and go on and on about her son, grandchildren, and the theatre for weeks. When his work schedule wouldn't allow him to come back home, he'd ask me to help his mom around the house.

His father visited Berdsk a few times when Slava was a kid; he wanted to raise him with his new family, but he clearly didn't know his own son. Slava simply wouldn't forgive his dad for walking out on his mom. Before his death, however, he asked for Slava's forgiveness once again, and being a true Christian, Slava granted it.

But now Slava's gone, and it's very hard to come to terms with that. It feels like yesterday we were celebrating his 60th birthday, going to the beach on vacation, spending time at his home in Petersburg, going to the Mariinsky Theatre, and reminiscing about the pranks we pulled as kids... It's a huge loss. Our friendship lasted over sixty years.

В. Лупачев (музыкальное училище, г. Новосибирск)
V. Lupachev (Musical College in Novosibirsk)

Я думаю, что судьба Славы – это стрела, которую пустил он сам. Мальчик из простой сибирской семьи, где искусство не служило залогом повседневности, полюбил музыку и театр со всей страстью. Он был влюблен в красоту и жил ею, и она для него была естественна: красота земли, человека, профессии, истинных чувств, чистоты и света, честности и мужества, доброты, верности, любви и долга – всего того, что составляет жизнь.

I think of Slava's fate as an arrow he shot with his own hands. A boy from Siberia, who grew up in a humble family with no artistic tradition, fell passionately in love with music and the theatre. He was infatuated with beauty. That was what he lived for: the beauty of the earth, people, one's profession, genuine feelings, purity and light, honesty and courage, kindness, loyalty, love and commitment—all the things that life is made of.

В. Лупачев и И. Уразов
V. Lupachev and I. Urazov

Аннетт Кэмпбелл-Уайт

(Сан-Франциско)

Мы часто говорили со Славой о Сибири, эти бедствия навевали во мне романтические представления и как для нерусского человека, иностранца, вряд ли могли соответствовать реалиям. Для западного человека – Сибирь это не только масштаб, но и сложившиеся легенды о ней: снег, холод, дикие животные, ряды заключенных, обернутых в жалкие тряпки, суровые дороги, протянувшиеся через бескрайнюю тундру, беснующийся по всей степи Чингисхан и, конечно, ГУЛАГ.

Мы решили, что однажды вместе отправимся в путешествие, туда, где родился Слава, чтобы проникнуться духом его юности, потому что знали Славу со времен «гласности», когда впервые рискнули побывать в Ленинграде (который после почти векового социалистического периода был вновь переименован в Санкт-Петербург). В те далекие времена, в начале 1990 года, Слава был самым близким среди наших новых друзей: музыкант оркестра Мариинского театра, ставший его главным менеджером, «бюрократом», как он в шутку себя называл.

Путешествие, в которое мы отправились на поезде по Транссибирской железной дороге из Владивостока в Москву, воспринималось по-особому. Оно складывалось необыкновенно еще и потому, что с нами были друзья, Слава и Лена. Они были женаты уже 15 лет. Слава непременно хотел познакомить нас с той частью России, которая распростерлась восточнее Уральских гор, и его родным городом Бердском. Эта поездка планировалась как «путешествие всей жизни», и в конечном счете, я думаю, это было правдой.

Во время поездки я чувствовала себя тонущей в сухопутном море: повсюду, до самого горизонта, простирались абсолютно пустые равнины зеленых полей, и, казалось, что поезд – это корабль, качающийся на волнах бескрайней степи. Я не стану упоминать обо всех местах, где мы побывали. Мне хочется рассказать про наш день в Новосибирске. Это было потрясюще.

В то время как поезд приближался к Новосибирску, Слава становился все задумчивее. «Что с тобой происходит? Ты должен радоваться. Или это сибирское уныние?», – спрашивала я, подтрунивая. «Когда мы приедем в Бердск, вы познакомьтесь с моей мамой и моими друзьями Инной и Игорем», – отвечал он.

Несмотря на поздний час, Слава не думал ложиться. Он сидел в нашем купе, пока Руди молчаливо разливал водку. Мы произнесли друг за дру-

Annette Campbell-White

Friend

(San-Francisco)

We had always talked with Slava about Siberia. For a non-Russian, such as myself, merely hearing that word – Siberia – conjures up romantic notions that don't necessarily conform to the reality of that territory. A Westerner thinks not only of the vastness, but also of the legends. Snow, cold, wild animals – wolves – ranks of prisoners with feet wrapped in rags against the harshness of the paths across the tundra. Genghis Khan raging across the steppes and of course, the Gulag.

Part of our eagerness to make this train trip across Siberia and the Russian Far East was, too, that we wanted to meet Slava's family and to learn about his early life, because we had known Slava since the days of glasnost, when first we ventured to Leningrad, as the reincarnating St. Petersburg was emerging from the shadow of nearly a century of communist rule and people had begun to address the associated infrastructure decay in that large city. In those far-off days of the early 1990s, Slava was chief amongst our new friends. He was no longer a musician in the orchestra of the Mariinsky Theatre. He had become a senior manager, a bureaucrat, as he jokingly referred to himself.

It was a special trip on a special train, made more spectacular because Slava and Elena were with us. Slava was determined that we learn about the Russia that lies East of the Ural Mountains, and in particular, his hometown of Berdsk, which lies outside Novosibirsk, the largest city in Siberia. The trip was advertised by the train company as "the trip of a lifetime," and in retrospect, I believe that this was true.

I felt that I was drowning in a sea of land, because the land everywhere was flat, with rolling plains stretching far away towards the horizon, a sea of green fields. And the land was empty, increasing the sense that this was a land-sea, and we felt that the train was a boat in which we were being tossed about on the waves of the undulating prairie. But I am not going to recite a travelogue of where we went and what we saw – what I want to tell you about is our day in Novosibirsk. It was a tremendous moment.

As our train neared Novosibirsk, Slava grew thoughtful. "What's the matter with you? You should be excited – is this Siberian gloom?" I asked him, teasing. "When we are in Berdsk, we will meet my friends Inna and Igor," Slava told us. "And my mother." Ruedi was more practical. "Do we need to arrange a car?" he asked. Slava assured him that everything was under control.

га тост и выпили. Затем Слава поднял свой бокал: «За маму»... Это всегда был очень важный для него тост. Я и мой муж Руди присоединились...

Серое утро, черные тучи повисли на горизонте. Собирался дождь. Мы встретились в вагоне-ресторане, невзирая на некоторое Славина волнение, связанное с предстоящей встречей с родиной, мамой, друзьями, позавтракали. Стрелки часов показывали начало девятого. Тяжелые капли дождя стучали в стекло. Слава запланировал обширную программу для Новосибирска: обзорная экскурсия по городу, музыкальное училище, где он учился, Академгородок, потом – Бердск, где живет его мама, встреча близких друзей, обед, поездка к озеру, в котором купался Слава в детстве. (Слава постоянно использовал определенные и неопределенные местоимения в английском языке отрывочно. Это всегда звучало мило.)

За окном окончательно рассвело, дождь закончился. Вдоль железной дороги все чаще вырисовывались старенькие деревянные дома с голубыми и зелеными крашеными ставнями. Рядом с большинством из них проплывали маленькие сады в разгаре летнего цветения. Вьюны и подсолнухи, шпалеры с помидорами и стеклянные парники с огурцами мелькали совсем рядом с окнами вагона. Стали появляться промышленные здания. Как темные сатанинские мельницы Блейка, полуразрушенные и ветхие заводские постройки сгущали краски серого дня. Поезд замедлял ход, мы прибывали в город.

Наше утро прошло в обычном туристическом осмотре достопримечательностей и фотографировании. Слава отвез нас в огромный оперный театр, построенный по приказу Сталина в последние дни Второй мировой войны. Перед театром высилась гигантская статуя мистера Ленина, его бетонно-стальное пальто раздувал сильный ветер, устремлявшийся на город с равнины. Мы увидели красные кирпичные стены собора Александра Невского и, конечно, маленькую церквушку Святого Николая, стоявшую неподалеку, отмеченную как географический центр советской России. И в завершение утреннего экскурса все оказались среди пыльных минеральных геологических экспонатов музея Академгородка. Экспозиция меня не заинтересовала: толком не позавтракав, я думала только о еде. «Слава, – спросила я шепотом, чтобы не мешать гиду, который скрупулезно перечислял достоинства ценных запасов полезных ископаемых горного Алтая, – где мы будем обедать, в Ака-

So we are on the train and despite the lateness of the hour, Slava was not ready to sleep. He sat down with us in our compartment, while Ruedi silently poured vodka. We toasted one another seriously, before drinking. Slava lifted his glass. "To Mama," he said, and drank. This was an important toast; I also drank and so did Ruedi.

The morning showed dark, with black clouds massing ominously on the horizon. Rain threatened. We met for breakfast in the restaurant car. Even though it was past eight a.m., the lights in the dining car still challenged the growing dawn, and I could see myself reflected in the lighted windows. Heavy drops of rain began to thud harshly against the windows.

"Where is the car meeting the train?" asked Ruedi.

"The driver will know how to find us, and the car will come to the train. Don't worry," responded Slava. "Now, I must tell you. This is my plan for Novosibirsk. We will go first to see sights in Novosibirsk. We will go to the Music Academy where I was student. And then, we will go to Akademgorodok on the way to Berdsk, where lives my mother, and we will meet my friends Igor and Inna and we will have lunch and go to the lake where I would swim as child." Slava's use of the definite and indefinite pronoun in English was always sketchy. It was very endearing.

It grew lighter outside and the rain stopped. Increasing numbers of crooked, wooden houses with blue and green painted shutters appeared along the track. Tiny gardens were in full summer bloom in the back of most of the houses. Vines and sunflowers, trellises with tomatoes climbing on them and glass-encased cucumber frames showed in those gardens closest to the rails. Industrial buildings began to appear. Like the dark satanic mills of Blake, various ruined and rundown factory buildings showed themselves against the dreary gray of the day, fulfilling my worst expectations about the city of Novosibirsk. But now, the train began to slow and we had to rise from the table, because we were nearly arriving and it was time to go.

Our morning passed in a touristic routine of sight-seeing and picture taking. Slava took us to the huge opera house, commissioned by Stalin during the last days of the Second World War, and of course, to the tiny Church of St. Nicholas nearby, which marks the geographic center of Soviet Russia. Prominent in front of the opera house stood a giant statue of Mr. Lenin, his concrete and steel coat blowing in the strong breeze that fed into the city from the plain. We saw the red brick cathedral of Alexander Nevsky and

демгородке?» – «Нет, не здесь, – прошептал он мне в ответ. – В Бердске».

Вскоре, оглябая Обское море, мы направились в сторону Бердска, расположенного в тридцати километрах от Новосибирска.

Бердск в то время оставался старым русским городом, не представлявшим интереса ни для новых российских коммерсантов, ни для туристического бизнеса. Люди продолжали жить, наверное, как и в прежнее советское время. Дороги тогда в основном были грунтовые, дома вокруг – крошечные и примитивные, бревенчатые, с расписными ставнями. Все выглядело бедным и запущенным. Моему критическому «западному» глазу, привыкшему к холемым окрестностям пригородов Америки, все показалось грязным и неухоженным. Летние сады перетекали в сломанные заборы, заросшие сорняками, а тротуары были в выбоинах вдоль пыльных дорог.

Наш водитель припарковал автомобиль на обочине. Я посмотрела на здание перед нами и разобрала наверху буквы в деревянной рамке, написанные кириллицей: «Триумф».

– Скажите, где мы? – поинтересовалась я, шурясь, – здание стояло в глубине от дороги, поодаль от других домов.

– Я думаю, это бильярдный дом, – покачал головой Руди. Подъехала еще одна машина, из нее вышли друзья Славы, Игорь и Инна, и сразу бросились здороваться со Славой и Леной – со слезами, поцелуями и объятиями. Последней вышла из машины Славиной мама. Это была маленькая женщина с копной густых седых вьющихся волос. Несмотря на то, что ей было уже далеко за 80, ее лицо выражало энергию и решимость. Я двинулась за ними следом...

Игорь и Инна несли огромные корзинки и сумки, Слава помогал своей маме. Я наблюдала за ней: тяжело опираясь на трость, она стойчески продолжала идти вперед, поднимаясь по крутой лестнице, как будто болезнь была просто частью ее существования, и она давно научилась ни на что не жаловаться. Инна убежала вперед и, разобрав все пакеты, спустилась вниз, чтобы помочь Славиной маме, но она отказалась. Она упорно двигалась вверх, стук ее трости о ступеньки лестницы я почему-то воспринимала как упрек и против своей воли восхищалась этим человеком, догадываясь, что она презирала бы какую-либо жалость или выражение сочувствия к себе. Я увидела в ней огромную силу самообладания.

finally, the morning drew to a close as we stood finally among the dusty, mineral displays in the geological museum of Akademgorodok. I started fidgeting. The specimens on display were not of sufficient interest to hold my attention, and my lack of a good breakfast made me begin to think of eating, and eating made me aware that we still had to meet Slava's family. "Slava," I whispered, so as not to disturb the guide, who was enumerating in mind-numbing detail the vastness and value of the mineral reserves of the Altai Mountains, "Slava, when are we going to meet your family? Are we going to a restaurant near here in Akademgorodok?"

"No, not here," he whispered back. "In Berdsk."

Shortly after that, we left the exhibition and our driver continued further out of the city, skirting the Ob Sea, heading in the direction of the old town of Berdsk, some thirty kilometers away from Novosibirsk.

There was nothing to see in Berdsk, of course. Berdsk was still old Russia. None of the new Russian businesses, that, if located in Berdsk, could allow the population and the town to advance was locating to Berdsk, and there was certainly no tourist trade developing. People in Berdsk lived on, much as they probably had in former Soviet times. The roads were then mostly unpaved, and the houses around were all tiny, and of primitive construction, built of the ubiquitous wood, with painted shutters. Everything looked poor and all looked rundown. To my critical Western eye, used to the antiseptic surroundings of suburban America, everything also looked dirty and unkempt. Summer gardens spilled over broken fences in riots of weeds, and large potholes were endemic along the dusty roads.

We took a sudden turn to the right and our driver parked on a dusty strip by the road. I looked at the building in front of us. I could just make out the Cyrillic letters written across the top of the wooden framing – Triumph, they spelled out. "Where are we?" I asked.

Ruedi shook his head. "I think it's the billiard parlor," he answered. Another car pulled up and Slava's friends, Igor and Inna, bounced out, greeting Slava and Elena with cries, kisses and hugs. Last to exit from the vehicle was Slava's mother – Mama. She was a tiny woman, with a mass of thick, white curly hair. Even though she was past eighty years, her face still showed energy and determination.

Both Igor and Inna were carrying large baskets and packages, so Slava assisted his mother. I watched

*В. Лупачев и мама Александра Григорьевна
V. Lupachev and his mother Alexandra Grigorievna*

Возможно, именно от нее Слава унаследовал способность противостоять и выживать, несмотря на все препятствия жизни, благодаря чему он сумел подняться из бедности Бердска и стать нашим драгоценным «Славой из Сибири», который легко ориентировался в сложном мире музыки Санкт-Петербурга.

Внутри «Триумфа» обслуживающий персонал выстроился в линию и приветствовал нас. Однако почему мы находимся в бильярдной – так и не было понятно, но именно в нашу честь зал был закрыт в течение дня («Триумф» – это гостиница для интуристов с сауной и бильярдным залом. – Прим. ред.). Нас проводили в святая святых, которую, как правило, резервировали только для очень важных клиентов. Стол, застланный белой скатертью, накрыли в специальном зале для банкетов, сервировали хрустальными бокалами для каждого гостя. Четыре официанта стояли вдоль стены, готовые нас обслуживать. На руках каждого сверкали накрахмаленные, абсолютно белоснежные перчатки. Стол был уставлен тарелками с курганами блинов, в окружении гор из икры и красной рыбы, красовались свежие помидоры и малосольные огурчики, салат со своего огорода, белые грибы только что из леса, вымоченные в рассоле и посыпанные свежим укропом, хрустящие, плотные, с полированной кожицей (Игорь и Инна специально ходили в лес и собирали грибы именно для этого праздника и были счастливы отдать все, что у них есть, чтобы порадовать Славиных друзей из Америки). Стояли вазы с фруктами и салатами, большое количество черного хлеба, водка и русский напиток – квас, у каждой тарелки – пластиковая бутылка минеральной воды Vittel (она очень дорогая в России). Я посмотрела на накрытый стол и засмеялась – русский пир! Еды, приготовленной для нас семерых, хватило бы на тридцать человек! Мы сели за стол. «Не увлекайся закусками, – предупредил Слава, показывая в сторону салатниц и тарелок на столе. – Еще будет горячее».

Следующими блюдами были щи, копченая рыба, омуль, собственноручно пойманный в Оби и приготовленный Игорем. Затем последовали русские пельмени и на десерт – пять видов ягод. Часы тикали, пока сменялись блюдо за блюдом, подаваемые молчаливыми официантами.

«Бильярдный зал» по-прежнему был закрыт для посетителей, время от времени заходил хозяин заведения и пристально смотрел на гостей

her as she walked. Her right hip was so dislocated or arthritic, that it swung completely out of its socket when she walked. As she put her weight on her right foot, she leaned heavily on her cane, and the hip swung grotesquely sideways. But she made no sound of complaint and moved stoically forward, as if this handicap was just another part of her existence, and she had long ago learned not to complain. Once inside, a steep flight of stairs pointed upwards. Instinctively, I looked around for an elevator, not for myself, but for this woman, Mama, whose handicap was so nearly complete that in other societies, she would either have had extensive surgery, or else be bound to a wheelchair. But Mama moved steadily towards the stairs.

Inna, having run ahead and deposited all of her packages, ran back down and tried to assist her, but Mama resisted any aid. She moved fiercely upwards – the sound of her cane striking the stairs serving as a reproach to all of us.

Perhaps Slava had inherited her ability to persist and to survive against the odds, and that was how he had managed to advance from a life of poverty in Berdsk to become our treasured “Slava from Siberia,” who moved with ease through the sophisticated musical world of St. Petersburg.

Inside Triumph, the staff of the billiard parlor lined up to meet us. Why we were at the billiard parlor was never properly explained, but it appeared that, in our honor, it had been closed for the day. We were ushered to the inner sanctum, usually reserved for the most important of the clients. A table, covered with a white cloth, had been set up in this room especially for our banquet. There were crystal glasses set at each place and four waiters lined up against the walls, waiting to serve us. Each of them was wearing a pair of fresh, white gloves. The table was laden with piles of blinis, accompanied by mounds of caviar, red salmon roe. There were fresh tomatoes and newly pickled cucumbers, white mushrooms fresh from the woods, cured with salt-water washing and pickled with fresh dillweed; there was fruit and salad and mounds of dark bread. Vodka and the Russian fruit drink, kvass, to drink. At each place setting stood a plastic bottle of Vittel mineral water. Once I saw the Vittel, I could see Slava’s hand in the planning of the menu, because foreign mineral water is expensive in Russia. I looked at the laden table and laughed, because this Russian feast prepared by Igor and Inna just for the seven of us contained enough food for a gathering of thirty people! We sat down at the table. It was an improb-

из Америки. Сам Слава, съев и выпив приличные порции, теперь был полностью опьянен эмоциональностью торжества. Какое-то время он молчал, а затем поднял бокал:

«Я должен произнести тост, – он повернулся к маме. Она посмотрела на него. – Мама, – сказал он, обращаясь к ней, а следом – ко всем нам, – мои дорогие друзья детства, Игорь, Инна, и теперешние мои друзья из Америки, Новой Зеландии и Германии, Аннеточка и Рудичка, – за нас за всех. Я хочу сказать, что не могу передать, как часто я мечтал об этом дне, когда мы все вместе соберемся, сядем за стол и будем счастливы в этом мире».

Он остановился, преодолев силу эмоций, и поспешно вытер наворачнувшиеся на глаза слезы: «Я люблю вас всех. Все, что мне дорого в этом мире, это здесь, со мной и с Леной, в этом зале». Он был очень взволнован, поэтому мы тоже торжественно подняли бокалы. Но Слава продолжил... «Я вам скажу, – произнес он, – мы все здесь – одна семья. Мы здесь ни русские, ни немцы, ни новозеландцы, ни американцы – мы здесь все друзья. Сегодня грузины воюют с русскими на Кавказе (мы путешествовали во время грузинского вторжения в Южную Осетию). В России говорят, что это амери-

able gathering. “Don’t eat too much of this,” warned Slava, motioning towards the laden bowls and plates on the table. “There are many courses to follow.”

The Russian tradition of sharing food and banqueting is as old as Russia itself. Cost and consequence are of no consideration against the importance of sharing the best that one has with feasting and celebration. Inna and Igor had spent days, weeks possibly, preparing this banquet for Slava’s friends from America, and they had gone far beyond what they could afford in the effort. I was sure that Slava had plans to repay them, but etiquette demanded that we do nothing to contribute. The code of hospitality demanded this. Our role was to accept with pleasure this food, which probably had cost more than Igor and Inna received in income in six months. In any case, it was really Slava’s banquet; Igor and Inna had only prepared the feast according to his instruction. It was the most important and historic moment of our trip for him; here we were at last in his home territory of Berdsk, meeting his mother and his friends in the very place of which we had talked and which we had toasted for so many years. It was only fitting that this homecoming and this visit be honored with a mighty feast.

Путешествие по Транссибирской железной дороге из Владивостока в Москву
Traveling from Vladivostok to Moscow on the Trans-Siberian Railway

канцы, а в Америке, что это русские. Кто ответит? Я – простой человек, я не знаю. Но я знаю, что у меня здесь, в Сибири, есть друзья, и в Америке есть друзья, и в Лондоне, и я люблю всех моих друзей». Мы опять выпили, торжественно чокнувшись.

Русская традиция – угощать и устраивать пиры – стара, как сама Россия. Цена и последствия не имеют значения, важно делиться лучшим, что есть в доме, на праздниках и застольях. Наша роль заключалась в том, чтобы с удовольствием принять это все. Это был самый важный и исторический момент в нашем путешествии. Здесь мы, наконец, были на Славиной родной территории, в Бердске, встретили его маму и друзей именно там, в том месте, о котором мы столько раз говорили и за которое поднимали тосты на протяжении многих лет. И было естественно и закономерно, что это возвращение домой отпраздновано таким застольем!

Вторая половина дня подходила к концу, и нужно было уходить. У нас оставалось еще время на экскурсию по Бердску. В нашем сверкающем автомобиле вместе мы подпрыгивали по пыльным дорогам и аллеям, посещая места Славиного детства, где укоренились его воспоминания. Мы увидели его музыкальную школу и маленький ветхий домик бабушки, дошли до берега озера...

Наша последняя остановка в Бердске была возле маминного дома. Мы попрощались, и последнее, что я увидела, это ее спину, склоненную над тростью... Наш визит закончился.

Почему я так много говорю здесь о маме? Оглядываясь назад, я думаю, что встреча с ней показала мне, почему Слава был таким особенным человеком. У Славы было сердце большое, как мир, и то, что его поддерживало, – это Любовь, вначале – от его любимых бабушки и мамы, и позже – от Лены, детей, родственников и друзей. Он впитывал любовь и мог вернуть ее в десятикратном размере, он мог разделить свою любовь даже с теми, кто разочаровал его.

Слава достиг многого в этой жизни, это результат его отчаянной воли – творить свою судьбу. Возможно, он научился этому у своей мамы, потому что она, зажав все свои силы в кулак, жила, преодолевая все невзгоды. И эта борьба не лишила ее способности смеяться и быть счастливой. Слава же, независимо от трудностей, всегда мог найти в себе достоинство обернуть все в позитив и подняться над любой проблемой. Он всегда старался довольствоваться тем, что посылал ему Господь Бог, и умел радоваться, мечтать и оберегать то, что

The afternoon was drawing to a close, and it was time to go. There was still time to tour Berdsk. Our shiny people carrier had room for everyone, not only Slava, Elena, Ruedi and me, but also, Inna and Igor, and of course, Mama. Together, we bounced along dusty roads and alleys, visiting the scenes of Slava's childhood, where his memories had been formed. We saw his music school, and Granny's tiny house – now in a state of rundown disrepair. We went to the Birt Lake.

Our last stop in Berdsk was Mama's apartment, as we returned her home before returning to Novosibirsk and the train station. The last that I saw of her was her back, bent over her cane as it tapped aggressively across the broken pavement near her apartment. As she entered the building, she did not look up and she did not look back. Our visit was over. If it had mattered to her at all, it was over and it was time to go.

Why do I talk so much about Mama in this piece? I think, in hindsight, that meeting her showed me why Slava was such a special man. He had a heart as big as the world and what nurtured him was love – first from his beloved grandmother and later from his children, from Elena, from his relatives and from his friends. He absorbed love and was able to return it tenfold, so that he even had love to give to those who disappointed him.

Slava succeeded in life as a result of a fierce determination to make his way. Perhaps he learned this from his mother, because, in her own way, his mother had exerted a fierce will in order to overcome her own adversities in life. But where his mother's struggles had caused her to lose the ability to laugh and be happy, Slava, whatever the issue, always could find a way to be positive and to rise above any problem. He has been always satisfied with the things he was given by the Lord. He could be happy, dream and take care of everything that was valuable for him. And the most interesting thing was that there were no contradictions between what he possessed and what was inaccessible to him.

I learned so much from Slava about how to live a life. I remember a particular evening during one of the White Nights' Festivals in St. Petersburg, when we chartered a rickety boat and with friends, went out on the Neva all night. When 5 a.m. arrived, and the pale light began to quicken, Slava poured yet another round of vodka toasts to the dawn.

"Slava, I can't do this," I said. "I have to sleep."

ему было дорого. И самое удивительное: между тем, что он имел и что ему было недоступно, противоречий не возникало.

Я многому научилась у Славы, в том числе и отношению к жизни. Помню, во время одного из фестивалей «Звезды белых ночей» в Санкт-Петербурге мы арендовали уютный теплоход и вышли в Финский залив на всю ночь. Пришвартовавшись в 5 утра, когда слабый свет уже начинал пробиваться сквозь ночь, Слава налил очередную стопочку водки и произнес тост: «...за рассвет...».

– Слава, я не могу больше, я хочу спать.

– Я только когда умру, буду спать! А сейчас подниму бокал! – воскликнул он.

И вот сейчас Слава «заснул», а я бодрствую здесь, в Оклахоме, в штате Калифорния, перебирая свои воспоминания.

"What's the matter with you?" he cried. "Me, when I'm dead, then I sleep. And now, I drink vodka." But now, Slava is asleep, while I am awake here in Oakland, California, sorting through my memories.

Note: Annette Campbell-White and Ruediger (Ruedi) Naumann-Etienne visited Saint Petersburg for the first time in 1990. Ever since then, they've made coming to our city an annual tradition. They have promoted young principal players from the Mariinsky Theatre Academy, directed by Larisa Gergieva. Annette and Ruedi were friends of Vyacheslav Lupachev.

A. Кэмпбелл-Уайт и Р. Номман-Этьен
Annette Campbell-White and Ruediger (Ruedi) Naumann-Etienne